

Бойчук В.В., Антонова В.

УДК 130.2:111.85:291.1

ВЛИЯНИЕ ЛАНДШАФТНОГО СВОЕОБРАЗИЯ КРЫМА НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ СВАТИЛИЩ

Данная работа крайне далека от попыток прийти к определенным выводам по поставленной проблематике. Скорее, наоборот, это одна из первых попыток рассмотреть религиозные святилища хронологически значимо отдаленные с той точки зрения, есть ли общность влияния ландшафтного своеобразия Крыма в процессах его влияния на мистическое мироощущение прежних насельников Крыма?

С этой, крайне предварительной целью авторы обращаются к религиозным святилищам различных эпох, принимая во внимание сложность и спорность трактовки религиозной интерпретации данных комплексов. Так, привлекаемый нами, археологический комплекс грота Чокурча в традиционном понимании его значимости отечественными археологами не трактовался как религиозный памятник. Особое мнение и особый взгляд на эту проблематику А.А. Столбунова в настоящее время невозможно использовать по причине крайней спорности источников его культурологических построений. Не менее сложно трактовать как религиозный памятник наскальную роспись комплекса Таш-Аир. Этот комплекс отечественные археологи трактуют как результат попытки передать средствами древней изобразительности некие реальные события военных столкновений племен Крыма эпохи энеолита или же ранней бронзы. Не вовлечен в сферу научных исследований как религиозный памятник и пещерный комплекс Южных ворот Чуфут-Кале. Попытки рассмотрения его как комплекса, характеризующего пещерный христианский монастырь, предшествовавший нынешнему Успенскому монастырю, крайне фрагментарны и посвящены, в основном, проблемам хронологии. Все эти сложности и ставят нас перед фактом воздерживаться от попыток глубокого исследования поставленной нами проблематики и ограничиться расширенной постановкой проблемы.

Раскопки комплекса грота Чокурча, по причине ареста Н.Л. Эрнста в 1938 году, не сформировали завершённый комплекс источников. Однако современные археологические наработки указывают на то, что комплекс представлял собой помещение, сконструированное из костей мамонта, подобно исследованным конструкциям комплексов Молодова, Мезин. Можно было бы предположить, что комплекс представлял собой жилище, если бы не северная ориентация грота – явление не типичное для палеолитических жилищных комплексов. Изобразительная деятельность, исследованная в комплексе представляет символический образ солнца, а также, характерных для эпох верхнего палеолита, образов зооморфных. Крайне осторожно, но необходимо принять и версию А.А. Столбунова о том, что образ, формирующийся при определенном ракурсе взгляда на восточный мыс грота Чокурчи, представляет собой лик поющей женщины, обращенной к зоне рассвета. По аналогиям с трактовкой С.Н. Бибиковым одного из комплексов Мезина как центра религиозных культов, можно предположить, что и в долине Малого Салгира мог иметь место подобный религиозный центр. Его предварительные характеристики ограничены признаками речной долины, скального углубления грота, соляных и зооморфных знаках, гипотетического образа утренней зари, как своеобразного варианта соляного символа.

Преобразующий мироощущение людей палеолита фактор скального углубления грота или пещеры сформировался, очевидно, еще в эпоху мустье, когда переосмысленный дообраз пещерного медведя трансформировался в мистический образ повелителя жизни и смерти, обитавшего на границе «мистических миров» смерти и жизни – пещерных глубин и внепещерного солнечного мира. С такой трактовкой пещер как границы сфер жизни (света) и смерти (мрака), очевидно, связаны и захоронения в пещерах, прежде всего такие, как комплекс Регурду, несущие в себе признаки святилища, освящающего, по определению В.С. Бочкарева, «контртворжение» древнейшей культуры в мировоззренческую трактовку феномена смерти. Такова предварительная трактовка и религиозной значимости комплекса грота Чокурча. Для подтверждения этой трактовки или же отказа от нее необходимо дальнейшее исследование. На основе же выказанного предположения следует отметить характерное ландшафтное своеобразие комплекса Чокурчи – узкая долина реки, скальный массив, своеобразная обращенность к солнцу.

Комплекс Таш-Аир, в совместной работе одного из авторов данной статьи и А. Калицкой трактовался как религиозный памятник, передающий мифологический сюжет борьбы соляного героя с хтоническими чудовищами, победы над ними, вторжения в хтонический пещерный мир «подземной повелительницы», дальнейшего «космического упорядочивания» мира. Изобразительная деятельность Таш-Аира в такой трактовке также предстает фактором «контртворжения культуры», но уже не просто в неопределенную и страшную сферу смерти, а в, имеющий четкую образность, хтонический мир не упорядоченности, требующий антропоморфических преобразований. Этот мировоззренческий комплекс усложнялся идеологическим антагонизмом североевропейских племен, практикующих соляный культ, и южноевропейских земледельческих племен, практикующие тонические культы плодородия. И в этом случае ландшафтные факторы подобны: узкая долина; скала, обращенная к солнечной стороне, как к стороне, откуда прибыл соляный герой и сама собой символизирующая мир хтонических глубин.

Пещерный комплекс у Южных ворот Чуфут-Кале хронологически связан со средневековьем как с эпохой утверждения в Крыму христианства. Существенными являются более точные археологические характеристики, позволившие бы определить – к раннему или среднему средневековью следует отнести данный пещерный комплекс. А.А. Герцен и Ю.М. Магаричев в своем кратком исследовании указанного комплекса не отрицают его значения как христианского пещерного монастыря. Типичную для исследователей трактовку этого монастырского комплекса как памятника 13-14 веков авторы подкрепляют

аналогиями с подобной бытностью скальных монастырей неподалеку от крепостных ворот на Мангупе и Эски-Кермене. Однако небольшой храмовый комплекс у ворот Эски-Кермена был за чертой первой линии крепостных сооружений, хотя и, формально, вне пределов города. Этот храмовый комплекс оборонительным действиям не препятствовал. Еще менее нарушал фортификационные характеристики пещерный монастырь Мангупа, так как, находясь отвесной стене, далеко от основных магистралей крепости, проблем для обороны не создавал. В то же время авторы констатируют факт, что пещерные сооружения у Южных ворот Чуфут-Кале были негативным фактором, позволявшим использовать пещерные помещения противнику во время осады. Указание на то, что прежняя крепостная стена у Южных ворот проходила по другой линии не решает ту же проблему – пещерные помещения монастыря во время осады крепости с успехом могли применяться противником. Эту загадку можно разрешить предположением, что данный монастырь возник до постройки крепости на Бурунчаке, то есть, как минимум, до VI века. Возникшая крепость привела к полной ликвидации монастыря, перенесение его в другую часть долины, закладывание нижних пещер и фортификационную трансформацию верхних пещер прежнего монастырского комплекса. Авторы осознают, что кроме логических построений их концепция иных источников не имеет и требует подтверждения фактами или же отказа от нее.

Проблемы хронологии данного пещерного монастыря важны по той причине, что, в случае констатации хронологической отнесенности данного комплекса к первым векам раннего средневековья, можно ставить проблему сохранения при постройках ранних христианских монастырей древних традиций определения мест для религиозной святости. Данный скальный монастырский комплекс также находился в узкой долине речушки, обращаясь к солнечной стороне дверными и оконными проемами подавляющего большинства пещер.

Традиционно феномен пещерных монастырей Крыма связывается с малоазийскими влияниями византийской христианской метрополии таврического христианского мира. Поставленные нами вопросы позволяют предположить устойчивую культуротворческую традицию древней Европы, продуцирующую комплексы, знаменующие победу «контрвторжения культуры» в сферу смерти, победу над ними жизни, воскресающей по законам антропоморфизированного космоса. Эти же традиции сформировали устойчивый комплекс ощущения определенных ландшафтных комплексов как символов границы двух мистических миров.

Нами предположение открывает широкое поле исследований, которые смогут ввести целый ряд исторический памятников Крыма в сферу культурологических изысканий.

Источники и литература:

1. Бибииков С. Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека / С. Н. Бибииков. – К. : Наукова думка, 1981. – 107 с.
2. Бойчук В. В. Релігійно-естетичний синтез в формуванні основ стародавніх цивілізацій (на матеріалах дослідження основ скіфської мегаєтноструктури) / В. В. Бойчук // Науковий часопис НПУ ім. М.П. Драгоманова. Серія № 7: Релігієзнавство. Культурологія. Філософія : зб. наук. праць. – К. : Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2007. – Вип. 13 (26). – С. 35-49.
3. Герцен А. Г. Крепость драгоценностей / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1993. – 125 с.
4. Каменецкий И. С. Код для описания погребального обряда / И. С. Каменецкий // Древности Дона – М. : 1983. – С. 221-250.
5. Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита / Б. А. Рыбаков // СА. – 1965. – № 1. – С. 24-45.
6. Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства / А. Д. Столяр. – М. : Искусство, 1985. – 298 с.
7. Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР / А. А. Формозов. – М. : Наука, 1969. – 255 с.
8. Храпунов И. Н. Древняя история Крыма / И. Н. Храпунов. – Симферополь : Доля, 2007. – 269 с.